

СЕРЖ ФАБР

Два полицейских

ДЕЛО О НАДУВНОМ МАТРАСЕ

Серж Фабр
Два полицейских. Дело
о надувном матрасе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748789

ISBN 978-5-4474-0895-4

Аннотация

Пустяковое дело о пропавшем с яхты русского бизнесмена надувном матрасе может привести к раскрытию убийств на Лазурном берегу Франции, если за него берутся два полицейских: су-лейтенант Шарль Секонда и начальник полиции лейтенант-колонель Симон Жубер.

Содержание

Предисловие	5
Понедельник. 8 сентября	7
Вторник. 9 сентября	27
Среда. 10 сентября	63
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Два полицейских

Дело о надувном матрасе

Серж Фабр

*Два полицейских берегом моря
Медленно шли, рыдая от горя.
Шли мимо пляжей и брошенных сёл...
Кончилось лето: зачем теперь всё?*

*Гастон Карир, современный поэт
Перевод А. Полушкина.*

© Серж Фабр, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Предисловие

Этот детективный роман был написан во Франции летом-осенью 2014 года и прислан мне автором, с просьбой взять на себя заботы о его публикации, поскольку я живу в России и уже имею некоторый опыт общения с издательствами.

Немного об авторе: Сергей (Серж) Фабр, филолог, доктор наук. Долгие годы он вел курсы по русской и зарубежной литературе в нескольких вузах Москвы. Какое-то время назад он оставил работу, много путешествовал и, наконец, осел во Франции, на Лазурном берегу. Там он работает испытателем пляжного оборудования и вполне этим доволен.

Но, как известно, еще не родился такой профессор филологии, который бы, хоть раз в жизни, не написал детективный роман. Видимо, миссия профессора филологии без этого не может считаться выполненной, а судьба – воплощенной. Даже если профессор – в отставке.

Кстати, доказано, что ни один профессор филологии, даже в отставке, не способен написать женский любовный роман, будь он мужчиной или женщиной.

На мою долю выпала обязанность поучаствовать в воплощении чужой судьбы, что я с удовольствием делаю, рекомендуя Вам эту книгу. Мое участие в ее подготовке выразилось еще и в том, что я составил примечания к тем фрагментам

текста, которые, из-за разности культур, могут быть непонятны усредненному читателю, окончившему, скажем, среднюю школу номер три в городе Ямки, Московской области. Я сам окончил эту школу. Я знаю.

Афанасий Полушкин

Понедельник. 8 сентября

7.15. Ницца. Улица Александр Мари 13. Арендванная квартира.

Первая запись в дневнике. Или в журнале? Пожалуй, что в журнале. Дневники пишут школьники, писатели и пожилые дамы, которым уже некому писать письма.

Журналы заполняют должностные лица.

Я, Шарль Секонда – должностное лицо. Су-лейтенант полиции. Слуга закона.

Полицейский должен быть педантом: все замечать, все отмечать, все исполнять. Журнал должен помочь мне в этом. Стать инструментом в работе. И этим он отличается от того дневника лицеиста, которой сейчас лежит где-то в родительском доме, рядом с детской ракеткой для тенниса и серебряной медалью в соревнованиях по плаванию на спине, в пластмассовой коробочке. И мама раз в полгода стирает с него пыль, не заглядывая внутрь.

Тот дневник был отражением подростковых мучений. Этот журнал будет свидетельством уверенных побед. Иначе и быть не может, после того разговора, что состоялся у меня с отцом этим летом. Следствием этого разговора стал мой перевод из полиции Марсея, сюда в Капдай.

Я так решил.

Нет (педантизм, су-лейтенант!), поскольку я снимаю жи-

лье в Ницце (так дешевле), а работаю в Капдае, то сюда – это на Лазурный берег Франции, тянущийся от Канн на западе до самой Вентимильи на востоке. Впрочем, Вентимилья – то уже Италия. Лазурным берегом Франции она считаться не может. Пусть конечной точкой будет Рокбрюнн.

(Примечание. Точности изложения мне надо еще учиться.)

Кроме того, ведение журнала способствует развитию таких качеств, как аккуратность и наблюдательность. И подстёгивает мыслительный процесс. Не дает распуститься.

Ну и вообще.

Сегодня мой первый рабочий день на новом месте. Он начинается в восемь утра. И если мой старый «Пежо» не подведет, я буду в полицейском участке Капдая минут за пятнадцать (точность, точность, вот черта полицейского!).

Между прочим, лейтенант-колонель Симон Жубер, нынешний шеф полиции Капдая, как мне сказали, лет двадцать пять назад учился в школе Кане—Клюз,¹ в то время как там преподавал мой отец, а потом служил в Марселе, под его началом. Что ж. Оно и к лучшему. Если я не могу показать отцу *настоящего* Шарля Секонду (мы с той беседы в июле, больше не встречаемся и не говорим), то Шарля увидит че-

¹ Элементарная логика подсказывает, что школа Кане-Клюз – это не для детей. Там готовят офицеров полиции – А. П.

ловек его поколения. Но еще несущий бремя полицейской службы и беспристрастный, как Минос². Человек, который не станет утверждать, что все дело в моих капризах, а она – просто ангел, тихо летящий мимо. И что надо быть бестолковым идиотом, чтобы все так испортить.

(Примечание. Как же я не догадался спросить, много ли он видел толковых идиотов?)

От моего нового начальства я таких слов не услышу. Не потому что оно их не знает. А потому что перед бывшим сослуживцем отца предстанет су-лейтенант Шарль Секонда – педант и аккуратист.

Кстати о педантизме, мне 23 года, рост 193 сантиметра, вес 81 килограмм (если не обжираться по ночам, но теперь, когда я отказался от родительской помощи, это будет сложно) волосы темные, глаза карие нос прямой. Подбородок волевой. Мне кажется. Я начал службу в полицейском управлении Марсея и был на хорошем счету. А мой перевод в Капдай вызван исключительно личными причинами, объяснять которые на страницах этого журнала, считаю необязательным. Вот так! И подбородок чуть выше. И в зеркало не смотреть!

² Вероятно, су-лейтенант имеет в виду Миноса – законодателя и царя Крита, после смерти ставшего судьей в Аиде, то есть в царстве мертвых. Когда судишь мертвых, беспристрастным быть легко. – А. П.

Кстати, о точности. Ели я прямо сейчас не брошу писать, то опоздаю на встречу с шефом. В первый же день.

07.56. Полицейский участок Капдая. Avenue du Trois Septembre 108.

Успел!

09.30. Полицейский участок Капдая.

Не могу сказать, что первая встреча с моим новым начальством прошла так, как запланировано. Во-первых, если честно, я ничего особо не планировал. Ну так, войду, представлюсь, скажу несколько слов, о том, как рад служить под его начальством. И меня отправят какому-нибудь офицеру, кто сможет быстро ввести в курс дела.

Из всего намеченного удалось только войти. А дальше началось воплощение, какого то адского плана. Лейтенант-колонель даже не дал мне представиться. Если честно, первые пять минут он мне не дал полного слова сказать.

– Вот и наш барон! – такова была его первая фраза.

(Проклятье! И здесь тоже!)

А дальше его уверенный хриловатый баритон с оттенком бронхитного кашля, начал медленно и методично заполнять небольшой кабинет, буквально вдавливая меня в пол. Вот наш с ним диалог, если конечно можно назвать диалогом разговор поезда с жуком, переползающим через рельс.

– Добро пожаловать в Капдай, су-лейтенант!

– Спа...

– Весь в отца! Строен, подтянут, аккуратен. Вот мы с ним на снимке, специально принес из дома, думаю надо барону показать.

– Но я не...

– Барон, барон, мы отца твоего так в нашей школе дразнили. За глаза, конечно. Любя. Это ведь у вас в предках Шарль Луи де Секонда, барон де Монтескье значит? Вот.

Я старался рассмотреть снимок, которым мой начальник постукивал по столу. Это фото из тех, что делали в прошлом веке для выпускников всех учебных заведений. В центре снимка, окруженный курсантами в полицейских мундирах, стоит мой отец, молодой капитан, преподаватель школы, высокий, щеголеватый и стройный. Он и сейчас почти такой же, разве только посуше стал, да чуть сутулиться начал последний год. А рядом с ним, похоже, этот самый Симон Жубер, мой нынешний начальник. Его не так просто узнать. Здесь на снимке, он чуть ниже отца, но, так же как он, худощав и подтянут. За эти годы, оставаясь при своем росте (метр семьдесят пять, на глаз) он сильно добавил в талии и вырастил на лице (и шее) большое количество складочек. Как будто его лепили из глины, и скульптору было жаль убирать лишний материал. А разлапистые и слегка торчащие уши, надо полагать, были у него всегда. Теперь он выглядит как идеальное воплощение француза среднего возраста, ка-

кими они (мы) были в девятнадцатом веке. Ему бы усы как у Жоржа Дюруа,³ нет, лучше прямо как у Бальзака. Был бы чистый морж.

Вот влип! Это я про себя. Он не только учился у моего отца. Он его до сих пор чтит. Сейчас он напишет отцу, тот ему ответит, изложит, все, что по меня думает. И зачем я тогда переводился из Марселя?

Вот я так думаю, а сам пытаюсь протестовать. Дело в том, что мы не те Секонда. Или не совсем те. И никакого «де» у нас в фамилии уже лет сто...

– И даже, не пытайся, – гремит по-прежнему лейтенант-колонель (за дверями, наверное, думают: не успел на службу заступить, а его уже всюю распекают). – Извини, не верю, зная твоего отца. Тебя как зовут? Не отвечай, сам скажу, я был на твоих крестинах. Шарль-Луи! А отца твоего – не отвечай – Луи Шарль. А деда? Вот! Кто кроме баронов, будет с маниакальным упрямством, из поколения в поколение, игнорировать все имена, кроме двух, и при том менять их местами? И ты своего сына назовешь Луи Шарль. Если уже не назвал.

– У меня нет сына. И не будет.

Это мне удалось, наконец, сконструировать целую фразу

– Почему? Ты болен смертельно? Или ты...

– Я не женат.

³ То, что Жорж Дюруа – главный герой романа Ги де Мопассана «Милый друг», очень гордился своими усами, вы конечно же знаете – А. П.

– Вот это как раз легко лечится. Но ты не переживай. Я никому не скажу. Ну, что ты барон. Хотя, может быть, все уже догадались. Кто, кроме барона, на службу в парадной форме заявится? Шпаги нет у тебя, на перевязь повесить?

– Но я же представится...

– Нет, сынок, ты сюда служить пришел. Работать. В форме будешь только на дежурство ходить. А в парадной – на праздничное построение шесть раз в год. А про то, что ты не женат, скоро все и так узнают, когда личное дело придёт. Ну как скоро, месяца через два оно придет. Вот тогда мы тебя определим на постоянное место в нашем управлении. А пока будешь подменным дежурным. Вот как раз сегодня в ночь заступишь. Лейтенант Тамара Квинтоли сейчас на стажировке в Бельгии. По графику ей сегодня дежурить с двадцати ноль-ноль. Я, как раз голову ломал, кем ее заменить. Вот ты и пойдешь.

Я сделал знак, что понял и хотел, было, идти, но начальник меня остановил.

– Это не все су-лейтенант. Ну-ка присядь. У меня есть для тебя еще занятие. Будешь работать группой быстрого реагирования. Пока.

– А кто входит в группу?

– Разве я сказал «с группой»? Нет у нас такой группы. А теперь будет. И ею будешь ты. Но, как я сказал, пока. Месяц-другой, до окончания сезона. А там посмотрим. И вот тебе и первое дело.

Начальник полиции вдруг замолчал и стал листать журнал дежурств. Потом достал из папки какой-то лист и ловко бросил его через стол. Лист спланировал прямо передо мной и лег так, как будто его рукой положили. Как я потом понял, этот фокус лейтенант-колонель отработал давно, и любит применять при каждом удобном случае.

– Лейтенант Гастон Карир принял это заявление вчера, хотя не должен был этого делать. У нас приемные часы по будням с восьми до двенадцати и с четырнадцати до восемнадцати. По будням! Не по воскресеньям! Но лейтенанта Гастона иногда заносит. Вообще-то он славный парень, ты с ним еще познакомишься... Только разрешай ему читать стихи. Он, видишь ли, считает себя поэтом и на этом основании отступает от распорядка, где и когда хочет. Ну, ничего, во всем есть вторая сторона⁴. Пять лишних дежурств по выходным он себе обеспечил. А личному составу, из числа семейных, будет, за что благодарить своего начальника. Дети увидят своих отцов, пока Карир будет за них дежурить.

Прока лейтенант-колонель разглагольствовал, я пытался прочитать в заявление, отпечатанное на принтере. Текст на французском, но с некоторыми синтаксическими неточностями. Видно что, язык для автора не родной (точность

⁴ Лейтенант-колонель, судя по тексту книги, большой любитель народных выражений. И автор предпочитает не искать российские аналоги, а давать их в изначальном виде. В данном случае имеется в виду выражение «Chaque nuage possède une doublure argentée», которое приблизительно переводится фразой: «Каждая ситуация имеет две стороны» – А. П.

в деталях, су-лейтенант!).

Вот краткое изложение содержания этой бумаги.

Семья богачей из России (это не в заявлении так, это я сам догадался), Владимир и Жанна Andreychikov (если я правильно прочел и запомнил фамилию), приплыли, на своей яхте в бухту Мала, стали на якорь, чтобы позагорать и искупаться. Позагорали. Искупались. Опять позагорали. И на катере, предоставленном пляжем, добрались до берега, где у них был зарезервирован столик в ресторане.

– В каком ресторане, господин начальник? Я проезжал, недавно, мимо бухты Мала. Там два ресторана: белый и красный по декору. Вместе, как цвета футбольного клуба Монако

– Кха. Вот тебе мой ответ. Даже два. Во-первых, ты больше не будешь ко мне обращаться ни господин, ни начальник. Можешь звать меня шеф.

– Ясно. Авы меня...

– А я тебя – как мне захочется.

– Понял. А во вторых?

– А во вторых, откуда мне знать, в красном или белом, если в заявлении и рапорте лейтенанта Карира это не отмечено? Читай, кха, дальше.

Я стал читать дальше.

В заявлении значилось, что эта русская пара, пообедав в ресторане, вернулась на яхту и мадам Андрейчиков обнаружила, что надувной матрас, на котором она загорала, перед тем, как отправиться в ресторан, пропал.

Мадам письменно подтверждает, что сама закрепила матрас на корме яхты, сложив его вдвое и привязав страховочным тросиком, который муж обычно берет, когда занимается подводным плаванием. Этот тросик, закрепленный за матрас она и обмотала вокруг металлической стойки на корме яхты. А когда они вернулись, не было не тросика, ни матраса.

Они решили подать заявление о краже. И лейтенант Карир его принял. И мало того – еще и зарегистрировал! Вот и входящий номер в журнале регистрации. И что с этим делать?

– Госп... шеф, вы же не считаете...

Он когда-нибудь даст мне договорить?

– Я считаю. До трех. Первое кха: бумага зарегистрирована. Значит дело о пропавшем надувном матрасе открыто. Кха второе: к нам поступило заявление о возможном правонарушении. Мы – муниципальная полиция Капдая. Мы должны реагировать, причем быстро. И третье, кха: кто у нас группа быстрого реагирования? Су-лейтенант Шарль Секонда! Я только что тебя назначил. Вот и реагируй.

Я хотел было встать и идти реагировать, но видимо было еще не пора.

– Сядь, – сказал, мне шеф. – Ручка есть у тебя? Тогда запоминай, что нужно сделать. Первое. Садись в машину и едешь в бухту Мала. Обходишь побережье, кха, смотришь на воду и на камни. Вдруг матрас еще в бухте болтается или его к берегу прибило. Дальше. Спроси у сотрудников пляжа

и у официантов, помнят ли они эту русскую пару. А если помнят, то что. Мало ли, может быть мы это дело с матрасом, сможем морской жандармерии спихнуть. Если там столкновение в море было или еще что. Две яхты, зацепились тросами, матрас и снесло. Налицо морское происшествие, не наша юрисдикция. Понимаешь меня?

– По...

– Не вставай еще.

– ...нимаю шеф.

– А то у нас тут любителей посмеяться над муниципальной полицией много развелись. Второе. Нет уже третье. Собери, на всякий случай, информацию об этом Владимире Андрейчиков. Вот ведь хорошее имя, почти французское. Что ж они с фамилиями делают? В моей молодости был такой композитор Владимир Косма. Все можно спокойно приносить. И фамилию и имя. Он музыку для фильмов с Пьером Ришаром писал.

– А... я помню. Только, шеф он был румын. Так что это румынское имя.

– Вот этого я и опасаясь.

– Румын?

– Да не румын. Неясности. Неполноты наших знаний. Кто он этот Андрейчиков? Почему у него румынское имя? Что он привязался к этому матрасу? Надо бы все это разъяснить.

– Посмотреть его в базе полиции?

– Какая база? Мы что – подозреваем его в краже собствен-

ного матраса и ложном заявлении? Нет! Пока. Кха. И нет у нас оснований его в чем то подозревать. Тоже пока. В интернете посмотри. У тебя же образование классическое? Или я ошибаюсь? Нет? Языки и математика?

– Ну, в общем...

– Латынь, английский, итальянский?

– Испанский.

– А русский?

– Толстого читать не могу в оригинале. А газету прочту.

– Вот и займись этой парой... Андрейчиков! Надо ж было такую фамилию придумать. То ли дело Косма. Все понятно. Destinée, On était tous les deux destines⁵... кха!

(Примечание. Mon Dieu! Он еще и поет.)

10.27. В машине. Пробка на авеню «Третьего сентября».

И как же я с мундиром прокололся? Надо ж было вырядится в парадный! И это еще: «Я не женат». Интересно ему, женат я или не женат? Надо было... А, вот уже поехали вроде...

10.51. Эз сюр Мер. Проспект Раймон Пуанкаре. Где

⁵ Лейтенант-колонель, похоже, напел начало песни «Destinée» из кинофильма «Les Sous-doués en vacances», 1982 года. Автор теста и первый исполнитель – певец и актер Ги Маршан – А. П.

то в дороге.

АААААА! Где ж тут поворот обратно в Капдай? В Больё, что ли?

13.40 Ницца. Квартира на улице Александр Мари.

А господин лейтенант колонель, оказывается, умеет не только петь, но и шутить. «Поезжай и обойди». Во-первых, туда нельзя приехать на машине. Дорога вдоль бухты – это два туннеля и маленький просвет между ними, застроенный, встык, домами. Между прочим, они прекрасно смотрятся снизу, из бухты. Прямо орлиные гнезда. И машину там оставить нельзя. Хотя какая-то тропинка, ведущая вниз, есть.

Стоянку удалось найти только в деревушке Эз сюр Мер. Это километра два в сторону Ниццы. Нот я и ее проскочил, пришлось потом разворот искать. И там, в обратную сторону, все непросто. Стоянка для автомобилей нашлась только у ресторана «Ля Пинедра». А там надо вдоль берега полкилометра идти до бухты по променаду. Или по шоссе, а потом спускаться по узкой каменной лесенке. Я пошёл по променаду, уворачиваясь от бегунов. Много их тут. Богатые люди любят себя чувствовать здоровыми. Это придает богатству лоск.

(Примечание: если я и правда буду выполнять обязанности мобильной группы, надо просить отдельных денег

на бензин. И на кроссовки.)

Во-вторых, все то место в бухте, где можно идти, вдоль берега, а не скакать по камням – это пляж в самом ее (бухты) конце. Его длина метров шестьдесят-семьдесят. Здесь и расположены два ресторана. Все остальное – скалы, скалы и скалы. Выше: от десяти до тридцати метров, растут, островками, пинии, зонтичные сосны и эвкалипты. А и ещё выше – шоссе и железная дорога. По бокам дороги пальмы, агавы и апельсиновые деревья. И опять скалы, только совсем голые. Короче «Пейзаж с Полифемом»⁶, до которого, еще не добрались Одиссей и постиндустриальное общество. Очень красиво. Но, как сказал мне на прощание лейтенант-колонель: «Оставим природу мсье Золя и займемся фактами».

Факт первый. Матраса, конечно, нигде нет, что установлено визуально. Правда, не с берега, а с моря. Я реквизировал, на время, морской велосипед, их там четыре штуки, все равно простаивали. С двенадцати лет на таком не сидел. А сегодня всего за двадцать семь минут проплыл вдоль всех берегов бухты. И один раз пересёк ее в самом широком месте. Итог изучения побережья: несколько пластиковых бутылок;

⁶ На всякий случай: Полифем – это циклоп (одноглазый гигант), сын бога Посейдона. Одиссеей его ослепил, чтобы спастись от плена и смерти. Воткнул ему в глаз бревно... Не бойтесь, всю Одиссею в примечаниях пересказывать не буду. А «Пейзаж с Полифемом» – картина Никола Пуссена, шедевр классической живописи XVII века – А. П.

очень дорогие очки от солнца, в деревянной оправе; наполовину сдувшийся детский мяч расцветки: желтый с зеленым; белый женский купальник, в полной комплектации.

Факт номер два: русские были в ресторане! Красном, разумеется, не в белом. Название: «Райский пляж». Там значительно меньше мест, а значит туда попасть сложнее. Значит он престижней. Для тех, разумеется, кто специально плывет, на *своей* яхте, пообедать в бухту Мала. Второй ресторан – белый – называется «Заповедник Мала».

(Примечание: вот кто, интересно придумывает название для ресторанов? Есть, наверное, какое-то креативное агентство, там сидят сотрудники, со степенью не ниже магистра, креативщики, уже разработавшие специальную классификацию названий. У них картотека заготовок, разбита по рубрикам. И приходит к ним владелец.... Ну ладно, сейчас уже не приходит, пишет по электронной почте. И просит, мне, пожалуйста, какое-нибудь самое тупое название.

– А где ваш ресторан? – спрашивают креативщики.

– А он у меня в заповеднике бухты Мала, – отвечает клиент.

Креативщики бросаются к картотеке, открывают рубрику «самые тупые названия», находят соответствующую заготовку и отвечают клиенту:

– Предлагаем название, подобранное в полном соответ-

ствии с Вашим брифом:⁷ «Заповедник Мала». С Вас – пять тысяч евро. И тут же продают соседу название из рубрики «Тошнотворные» – «Райский пляж», разумеется. А еще там есть рубрики «Идиотские названия», «Банальные названия» и «Самые банальные названия». Предложения из этой последней, я уверен, пользуется самым большим спросом. И стоят дороже.)

Ну ладно. Это я так. Отвлекся. В общем, я поговорил с официанткой, которая вчера работала в ресторане «Райский пляж». Она говорит, не запомнить русских было невозможно. Ну, может, это потому, что она сама из Латвии. Ее зовут Лайна, она уже три года работает здесь официанткой, а ее жених живёт в Норвегии. И тоже работает официантом.

(Примечание: Мы были весной в Португалии, в местечке Raso de Arcos, под Лиссабоном. Самую вкусную еду, в простом кафе на окраинной улочке, нам подавала официантка. Тоже Лайна и тоже из Латвии. И мы смеялись и ели этот тыквенный суп, и эту рыбу на пору, и думали, что жизнь

⁷ Бриф, это короткий текст, в котором клиент креативного агентства формулирует свои пожелания. Смысл составления брифа заключается в том, что заказчик понимает эти требования одним образом, а сотрудники агентства – строго противоположным. Составить бриф, в котором уживаются два (а лучше три-четыре) смысла – большое искусство. Этим, как правило, занимаются начинающие писатели или пожилые, но так и не получившие в своей газете личную колонку журналисты – А. П.

прекрасна (я-то уж точно), не зная, что наступит июнь и все пойдет прахом.

И вот я сижу рядом с высокой стройной блондинкой, по имени Лайна, хочу ей сказать ей что-то приятное, чтобы разговор стал чуть менее формальным, и не могу. Я вспоминаю ту Лайну, из той жизни – и у меня не получается говорить. В горле першит.)

Но я справился. И задал все вопросы, пускай даже деревянным голосом. И получил ответы. Русская пара оказалась на редкость капризной. Впрочем, капризничала, главным образом, мадам. Сначала она потребовала их пересадить. Они, мол, заказывали столик в первом ряду, у моря. А их посадили во втором. А ей надо на первый ряд или никуда. Потом она заставила передвинуть зонт, чтобы было больше тени. Хотя и так была закутана с ног до головы. Она – блондинка. А блондинки быстро и надолго сгорают на солнце. Это она объяснила всем, кто мог ее услышать. Потом ей не понравилось вино, и она заставила мужа заказать другое. Потом еще жаловалось, что кофе принесли холодный.

– А муж?

– А тот сидел себе, пил пиво, молчал и делал все, что говорила ему жена. Пару раз сказал «да». И все. Правду сказать, я на него почти и не смотрела. В воскресенье только успевай бегать между столиками. А тут еще его мадам все внимание на себя взяла. Я его только периферийным зрением видела.

Еще она сказала, что, когда русские уходили, мсье оставил неприлично большие чаевые, больше пяти евро. Так что надо было к нему присмотреться внимательнее.

Мы посмеялись, и спросил, на каком языке они общались между собой и с официантками. Лайна ответила, что между собой – по-русски. Ну, то есть это она говорила. А он кивнет или скажет коротко: «Да» В смысле «Да!» (она сказала это тоже по-русски). А с официантками, то по-французски, то по-английски. Как придется.

Я попрощался с милой Лайной, карточку свою не дал, потому что нет у меня еще новых карточек. Не напечатали пока. Зато спросил, как с ней можно связаться. И попросил пока не покидать Францию. Неудачная шутка, если учесть, что у нее временное разрешение на работу. Но это я уже потом понял, в машине.

Вот так всегда!

20.15. Полицейский участок Капдая.

Я хотел приехать в участок в девятнадцать сорок пять чтобы без спешки принять дежурство. Но, не получилось. Еле еле успел за три минуты до восьми. Но дневной дежурный, су-лейтенант Жан Дюлон, похоже, никуда не торопился: сидел спокойно, пил кофе. Небольшого роста, лет тридцати, худощавый, начинающий лысеть блондин – он, как мне показалось, из тех людей, которые видят смысл службы в том, чтобы пообщаться с как можно большим количеством лю-

дей. И получить за это деньги, которые можно потратить на какое-то свое увлечение. Или чужих жен. Впрочем, это мои домыслы. Оставим их мсье Леви, как сказал бы мой новый шеф. Если он, конечно, знает, кто такой Леви.⁸

Дюлон сообщим мне, что все в участке уже знают о том поручении, которое мне дал начальник полиции. «Дело о надувном матрасе», – сказал он с ехидной улыбкой. И поинтересовался, как оно продвигается. Я изобразил тупого парнишку и начал излагать подробности, но он не дослушал.

– Вот тебе Секонда три подарка в первый день службы. Первый: половина пиццы. Ночью есть захочется. «Четыре сыра» сойдет? Не все любят горгонзолу. Второй: визитные карточки с твоим мобильным и номером телефоном нашего полицейского участка. Сегодня доставили, пока ты в бухте Мала загорал. Теперь можешь девушкам раздавать, со словами: «если что вспомните, звоните в любое время». А они, конечно: «обязательно позвоню су-лейтенант»!

А третьим его подарком стала версия похищения матраса. Совершенно дурацкая, конечно. Но, будучи полицейским-педантом, я изложу ее в своем журнале. Версия такая: у русской мадам есть любовник. Она затащила его на яхту, утром в воскресенье, чтобы заняться любовью... В этом месте речь Дюлона как то замедлилась. Он уставился в стену и стал описывать каюту яхты, которую никогда не видел.

⁸ Я тоже не знал. А оказывается это современный и очень модный писатель – А. П.

И того чем занялись они в этой каюте. Но я это описание здесь помещать не буду, тем более что не все запомнил. Суть в том, что почти тут же на яхте появляется муж, мсье Андрейчиков. Он хочет выйти в море. А потом отвести жену в бухту Мала, в ресторан. Мадам прячет любовника где-то на яхте. Потом просит надуть матрас и располагается на палубе загорать. А далее все понятно. Супружеская пара отправляется на берег, а любовник кладет одежду в целлофановый мешок, вот так заворачивает (это Дюлон показал руками, и я понял, что он знает о чем говорит), берет матрас, бросает его в море и плывет на нем за пределы бухты, в Эз сюр Мер, например. Или к нам в Капдай на пляж.

– Это ж полтора километра до пляжа в Капдае, – не удержался я, понимая что меня разводят. – А по берегу камни и скалы.

– Не все так страшно, у мыса Кабаньон, есть маленькая бухта. Это ровно в середине пути. Купаться там запрещено, мусора с поверхности моря центнера два скопилось, но пристать к берегу можно. И тропинка вверх, есть. А дальше по променаду лёгкой походкой – на пляж и к стоянке для машин. Все складывается, ты, съезди, посмотри, может твой матрас среди мусора болтается.

А ведь придется съездить и посмотреть, никуда не денешься: старший офицер предложил версию. Надо проверить.

Вторник. 9 сентября

01.25. Полицейский участок Капдая.

Копаясь в интернете, пытаюсь выполнить поручение лейтенант-колонеля и выяснить, что можно, о том, кто такой этот Андрейчиков. Я начал еще дома, то есть в своей квартире в Ницце, и просмотрел все, что можно на родном языке: поисковики газет и новостных сайтов, везде, где могли появиться сообщения из России. Но на французских сайтах никакой информации найти не удалось. Продолжил уже здесь, в участке. На английских сайтах есть два-три упоминания какого-то Андрейчиков, который занимается строительством всего, что можно построить для нужд государства и на его – государства – деньги. Это в регионе, с центром в городе Archangelsk. А еще в Sochi и одном регионе, том, что вокруг Москвы. Называется «oblast». В России сложная система территориального управления, сложившаяся под воздействием многовековой экспансии. Главные названия территорий: «oblast», «kray», «respublica» и «gorod». Но все это архаизмы. Названия разные, а суть одна. Все они, по степени административного подчинения, близки к нашим регионам, объединяющим два-три департамента. Получается, что центр бизнес-интересов этого Андрейчиков регион с центром в городе Archangelsk, но, при этом, получается зарабатывать еще в двух регионах.

(Nota bene. Archangelsk переводится как город архангела. А какого – непонятно. Михаила? Гавриила? Как-то в России все неточно. Расплывчато все. У нас, на Лазурном Берегу тоже есть Archangelsk. Только он совершенно конкретный – Сан-Рафаэль.)

Еще какой-то Андрейчиков строит дома рядом с Санкт-Петербургом. Может тот же, может другой. Кто знает, насколько распространена эта фамилия. Еще пишут, что недавно государство заинтересовалось, куда пошли деньги, выделенные на строительство объектов. Каких объектов тоже не понятно. Каких-то. Пришлось копаться в русском интернете. Нашел старую заметку на сайте газеты, которая называется «Novaya»

(Примечание: старая заметка в новой газете – это оксюморон. Хотя, это может только так казаться. Язык я толком не знаю и что-то в названии газеты понял не так. Но тут же прицепилось: «who wonts yesterdeys paper, who was yesterdeys girl»⁹ – и не отцепляется до сих пор).

Так вот, в этой заметке говорится, что некто Владимир Андрейчиков, владелец нескольких строительных фирм

⁹ «Yesterday's Papers» – песня «The Rolling Stones» с диска «Between the Buttons». Действительно приставучая. – А. П.

(наш?) начинал свою карьеру в армии, в таком-то подразделении, которые они обозначили как «ВДВ» (VDV). А потом он занялся бизнесом. Но важнее, что у него была большая дружба с мэром третьего по численности населения города, в регионе Archangelskaya oblast. С этим мэром Андрейчиков когда-то служил в Афганистане. И Чечне. Но это было еще в прошлом веке. А теперь, вроде бы, они вели бизнес. А это запрещено, это конфликт интересов. Для мэра, разумеется. Но в России, на это все смотрят сквозь пальцы. Так пишут в газете. И еще пишут, что это неправильно, но всем наплевать. У города, кстати, смешное такое русское название – Kulibinsk. А мэра зовут Виктор. С фамилией тут сложности: Аhаркин или Агаркин. Как у них эта буква «г» звучит, не помню. Он, правда, уже бывший мэр. Не избрали его больше.

(Nota bene. Там, в России, оказывается, мэров вообще не избирают. Или избирают, но не жители. Там какая-то сложная система: власть делится между муниципалитетом и сити-менеджером.)

Вот этого Виктора в муниципалитет Кулибинска не избрали на прошлых выборах. А сити-менеджером назначили какого-то приятеля местного губернатора. А пока Виктор был мэром, в городе много чего строилось, жилые дома, магазины, автозаправки. И ко всему этому имели какое-то отношение мэр и его друг Андрейчиков.

И дальше там что-то совсем непонятное. Надо в справочной литературе смотреть или на сайтах каких-то специальных. Пишут, что есть такая корпорация, называется по-русски «АЛРОСА» (ALROSA) и она в Кулибинске «gradoobrazuyschee predpryatie».

Про «grad» я читал раньше, это такой ракетный комплекс. Ракеты можно с автомобиля запускать. Или из подвала дома. Русские его в Чечне использовали. А потом продали палестинцам и те пуляют этими ракетами по израильским автозаправкам. А израильтяне, в ответ, американскими ракетами земля-воздух – по всему что движется. И все довольны. «Obrasuyschee» я посмотрел в словаре. Это слово означает «создавать». «Predpryatie» – это понятно. Это фабрика. Значит там, в Кулибинске, делают эти самые «Грады», а Владимир и Виктор, возможно, учувствуют в их нелегальных поставках палестинцам и сомалийским пиратам, которые ставят эти комплексы на свои легкомоторные катера и под угрозой...

02.43. Там же

...ракетных атак захватывают мирные танкеры и грабят круизные яхты.

Странное происшествие, случившееся неподалеку не позволило даже закончить фразу. В 01.31 и последующие три минуты, раздалось, один за другим, три телефонных звонка из «Чесночного замка» (так называется многоквартирный

дом на самом берегу моря, рядом с рестораном «Ля Пинеда») и соседнего с ним дома 14-бис. Я в том районе сегодня машину парковал, когда в бухту Мала добирался. В «Чесночном замке (это огромная вилла, переделанная в доходный дом) большинство «сюютов» сдаётся туристам. Но есть, как я понял, и пара постоянных жильцов. И вот из этого дома звонят и говорят, приезжайте, успокойте арендаторов виллы «Палома», они включили такую музыку, что хочется повеситься. И так громко, что хочется сделать это быстро. Потом из другой квартиры, из дома 14-бис позвонили, с той же просьбой. Но при этом выразили желание кого-нибудь убить. А мадам Раку (третий звонок), сказала, что на вилле жуткий рев, и там явно кого-то убивают. Я все бросил и отправился быстро реагировать, благо «Чесночный замок» в трех минутах езды от полицейского участка.

Никто, конечно, никого не убил, полиция (это я) сработала быстро и четко. Вообще-то, когда я подъехал к вилле Палома, то никакой такой особо громкой музыки не услышал. И только когда заглушил двигатель и подошел к двери, то смог разобрать, как какой-то противный мужской голос, проговаривает что-то по-русски под слащавую музыку. Неужели – подумал – это и есть их знаменитый Высоцкий?

Я нажал кнопку домофона. Мне ответил по-английски хрипловатый женский голос. Музыка, если ее так можно назвать, стала слышнее. Я представился и попросил открыть. Через минуту дверь слегка приоткрылась, и тот же хрипло-

ватый женский голос попросил выключить фонарь, который у меня был в руке. Я выключил и был допущен в полутемную прихожую, из которой вели две-три двери в другие помещения. Точно разобрать что здесь и как, было невозможно, потому что светила одна тусклая лампочка – торшер и у противоположной стены. Хозяйка (а, судя по внешнему виду, это было никак не служанка) извинилась, сказав, что в выходные слишком времени провела на солнце и у нее от яркого света болят глаза.

Говорили мы по-английски. Музыка, видимо, приглушили, слышно ее не было совсем.

Да! Внешний вид. Снизу вверх: Туфли на высоком каблуке. Нет не так: на очень высоком каблуке. Изящное вечернее платье до пола. И платье и туфли или чёрного цвета или какого-то темного, в полутьме не различишь. Руки и плечи должны быть обнажены, но мадам куталась в роскошную шаль до подбородка, если не до носа. Видны были кисти рук с большим количеством золотых колец. Чуть ли не по два на каждый палец. Нос прямой, чуть удлинённый. На носу – темные очки, которые носят не из-за стекол, а из-за оправы. Поэтому глаза увидеть невозможно, как, собственно, и лоб. Волосы светлые, никак не уложены и ничем не заколоты. Просто падают на плечи, чуть-чуть прикрывая щеки. И все. Мне показалось, что она слегка дрожит. Может быть, это следствие того, что перегрелась на солнце. Или вообще нервная натура.

Я еще раз представился и сказал, что им следует соблюдать режим тишины и не будить соседей. А иначе, если еще раз на них пожалуются, придется выписать им штраф.

Она еще раз попросила прощения. Сказала, что у них гостит друг мужа из России. Ему завтра, нет, уже сегодня уезжать. И муж решил устроить проводы. Обычай такой. Русский.

Я вежливо, но твердо сказал, что это все же не повод злить соседей.

Она пожала плечами, даже не пожала, а как-то повела левым плечом.

– Да, я понимаю. Но муж немного... «perebral»... я имею в виду, что он выпил чуть больше, чем следует, и его не просто успокоить...

Вот в этот момент где-то в глубине два мужских голоса даже мне запели, а завопили какую-то песню по-русски. Я совсем плохо понимаю этот язык с голоса, удалось разобрать что-то вроде «brat», «combat», «chechen», «plen».

Мадам обернулась к одной из открытых дверей и что-то крикнула. Песня смолкла.

Из соседней комнаты вышел довольно крупный мужчина в строгом костюме и белой рубашки, коротко стриженный и с загорелым лицом. Он не показался пьяным. Разве что чуть-чуть.

– Это Виктор, друг мужа, они вместе служили в армии, – представила его хозяйка.

Сам Виктор на вполне приличном французском, принес свои извинения и сказал, что понимает свою вину и постарается успокоить друга.

– А что же сам мсье? – спросил я.

Тот ответил, что мсье лучше полежать.

Что ж, я с этим полностью согласился. Виктор ушел успокаивать хозяина, а мадам еще раз извинилась.

Я внушительно и с достоинством попросил их больше не давать повода для жалоб соседей. И дал ей свою новую карточку, со словами, что если понадобится помощь, то звоните, я сегодня дежурю в участке.

С тем и уехал. Сейчас доем пиццу и еще и пороюсь в интернете, посмотрю, что можно узнать про этот ракетный комплекс из России. Какой-то русский день у меня получился в самом начале службы на новом месте!

03.47. Там же.

Напротив меня сидит пожилой мужчина в темном костюме и красных фланелевых тапочках на босу ногу. Он тихо поёт какую-то песню, слова которой, мне как-то смутно знакомы:

«On cherche son destin
Quand on trouve on s'accroche
Moi j'ai suivi le mien

Оù m'a mené le coche». ¹⁰

Он не похож ни на пьяного, ни на сумасшедшего. На вид ему за шестьдесят. Сухое загорелое лицо, седые, коротко стриженные волосы, добрые глаза. Но вот он сидит и поет. Ночной патруль его забрал с авеню Черчилль и доставил сюда. И что мне с ним делать?

04. 02. Там же.

Теперь он поет:

«Il danse
Seul devant la mer
Il sait que le bonheur existe
Dans ses rêves d'hier
Il danse et il espère
L'homme triste». ¹¹

04.17. Там же.

Пришел бригадир, Кристиан Этори, положительный дядька, с фигурой борца и спокойствием, которое не может пробить даже взорвавшаяся в руках бутылка пива. Он служил

¹⁰ «Мы ищем свою судьбу / И, найдя, уже не отпускаем / Я следовал за роком /Туда, куда вела меня дорога». Перевод Анастасии Петровой. Это песня Сальваторе Адамо «Comme toujours» – А. П.

¹¹ «Он танцует / Одинокий, наедине с морем / Он знает, что счастье существует / В его вчерашних мечтах. / Он танцует, и он надеется / Грустный человек». Это из еще одной пес ни Сальваторе Адамо: «L'homme triste». – А. П.

одно время в Марселе, и мы были знакомы. Я спросил, кто этот певец в тапочках и зачем он тут сидит. Бригадир сказал, что это мсье Гай Моги, пророк.

Я спросил, где его наблюдают. Этори, ответил, что нигде. Он не болен, есть медицинское свидетельство. На самом деле три свидетельства. Потому что в разное время его пытались сдать в сумасшедший дом мы, полиция Капдая, жандармерия и полиция Монако. Но ничего не получилось. Он не болен.

– А в чем дело-то?

– Видите ли, су-лейтенант, он считает, что весь наш мир заключен в текстах песен Сальваторе Адамо.

– И что?

– Время от времени он встречает человека, будущее которого он может прочитать. Тогда он поет ему песню.

– Какую?

– Ту, что отражает судьбу этого человека. Но обязательно...

– Это как Пифия, что ли?

– Не знаю, су-лейтенант, я здесь не очень давно и видимо ее не застал.¹² Вот с мсье Моги мы знакомы хорошо. Он предсказывает судьбу. Но обязательно песней из репертуара Сальваторе Адамо.

¹² Классическое образование не всегда полезно в работе полиции. Пифия – прорицательница в храме бога Аполлона, в городе Дельфы. Предсказывая судьбу какого-то человека, заплатившего строго по расценкам, она говорила мало, неохотно и непонятно. В результате, жрецам, за дополнительную плату, приходилось давать свой комментарий. Вот как мне сейчас – А. П.

– И что с этим делать?

– Да, ничего, собственно. Поет и поет. Голос, на мой вкус, приятный. Но некоторым не нравится.

– Что именно?

– Кому что. Кому предсказание. Кому форма подачи. Каждому свое. И мы стараемся защитить...

– Кого?

– Главным образом, мсье Моги. У нас есть договорённость с полицией Монако. Они стараются не допускать его в Монте-Карло. Там казино, люди могут нервничать. Ну а мы реагируем на разного рода сигналы. И доставляем его домой.

– А здесь он зачем?

– Так ведь сигнал, су-лейтенант. Жалоба на пение в ночное время, пока вас не было. Он шел в сторону Монако и пел.

– Ладно, Кристина, у нас есть помещение с диваном?

Бригадир кивнул. Я попросил его устроить Мсье Моги на диване. Надо же, первое дежурство на новом месте службы и сразу две жалобы на музыку. Если это пророчество, то мне предстоит, видимо, весело проводить время в Капдае. Особенно служебное. Но пока неплохо было бы разобраться с этим владельцем надувного матраса.

04. 46. Там же.

Ха! Никакая это не фирма по производству оружия. В слове «ALROSA» Первые две буквы «al» означают «almaz». Это такой не огранённый бриллиант. Оказывается в Архангель-

ской области алмазы добывают прямо из их вечной мерзлоты. Шахта называется «Imeni Kulibina», рядом город Кулибинск. Я знаю, мы это в школе проходили, что русские выбирают какое-нибудь имя и потом называют этим именем все подряд: города, улицы, корабли, самолеты, заводы, конфеты. И здесь, такая же история. Самый большой алмаз, найденный в этом регионе, назван «Ivan Kulibin». До информации о том, кто такой этот самый Иван Кулибин я не добрался, но думаю, что это либо генерал какой-нибудь, либо знаменитый bolshevik, который там, на севере, делал революцию, а потом был расстрелян Сталиным вместе со всей семьей.

Эти алмазы из Кулибинска не такие крупные, как те, что Южной Африки, но тоже ценятся. А при чем здесь «grad», я так и не понял. Ну и ладно. У меня постепенно формируется интересная версия связывающая алмазы, яхту и надувной матрас. Завтра попытаюсь ее изложить лейтенант-колонелю.

04.12. Там же.

Ха и еще раз ха! Я заглянул в рапорт лейтенанта Карира. Адрес тех русских, что потеряли матрас: Капдай, авеню Раймон Грималья, вилла «Палома». Они ее арендуют уже два года. Так значит, тот мсье что напился и орал со своим другом военные песни – это и был Владимир Андрейчиков. А тот, что вышел ко мне в костюме, наверное, бывший мэр Виктор Агапкин. А мадам – это та, что скандалила в ресторане. Правильно, она блондинка и сама мне сказала, что на солн-

це много провела в выходные. Как раз на матрасе и загорала, пока они в ресторан не отправились. Хорошо хоть она не стала меня расспрашивать о том, как идет расследование. Ка оно идет? Да никак пока. Нет матраса нигде и всё.

8.41. Там же

Лейтенант-колонель, похоже, не в духе с утра. Принял рапорт. Был немногословен. Я попросил время, чтобы изложить свои соображения о пропавшем матрасе.

– Давай, – говорит, излагай. Куда теперь денешься. Мне сейчас звонил мэр. А ему из русского консульства в Ницце. Там интересуются, как продвигается дело об ограблении российского предпринимателя в бухте Мала. Я не понял, сначала. Какое ограбление? А потом понял, что они так называют пропажу этого чертового матраса. Еще никто не доказал, что его не смыло в море, а тут уже – ограбление! Ну, хорошо. Раз так. Раз они это хотят. Мы им устроим дознание. По всей форме.

– Шеф... я подумал... Хорошо бы вертолетную службу задействовать.

– Ты что, су-лейтенант, обалдел? Кто нам выделит вертолет для поиска надувного матраса? Там надо заявку писать на четырех бланках. Доказывать, что без вертолётa не обойтись. Да и все равно не дадут. Вчера в Канны какой-то принц приехал из Финляндии... Что ты скривился весь? Ну, откуда-то оттуда, из Скандинавии. Особый режим охраны сей-

час на Лазурном берегу, со всеми полагающимися, по такому случаю, вертолетами. Вот когда он в Монако переедет, тогда, может быть, при особых условиях...

– Есть, – говорю ему особые условия. И сразу решил изложить свою версию.

(Nota bene. Когда пишу здесь: рассказал или изложил, надо читать – выпалил или вставил два слова. С моим начальником три слова подряд произнесешь – уже достижение).

Начал с того, что в городе, в котором этот Владимир Андрейчиков жил, до переезда сюда (и с бывшим мэром которого дружил) добывают алмазы. Часть этих алмазов, возможно, присваивали Владимир и его друг мэр.

– Как они это делали? – немедленно вклинился лейтенант-колонель.

– Не знаю как, я не задумывался. Они же русские, они придумают как.

– Логично

И дальше объясняю. Владимир живет во Франции уже около десяти лет. Вкладывает деньги из России в местную недвижимость и виноделие в Провансе, яхту поменял год назад. Яхта называется «Beкас», порт приписки Капдай...

– Чудное название. Почти как becassine. Или becasse. Он что – любитель Мопассана?¹³

¹³ Да, да, вы поняли. «Contes de la bécasse», которые переводится у нас как

– Не уверен. «Bekas» – это becassine, но по-русски. А по-английски, между прочим, эта птичка называется snipe. Слово снайпер – от нее образовано. Тут есть что-то...

– Ничего тут нет. Большая?

– Нет, птичка маленькая, сантиметров 25 в длину, но нос...

– Я знаю, каков бекас и как он выглядит. Яхта большая?

– Опять нет, шеф. Яхта парусно-моторная, «Bavaria Cruiser 56». Две каюты, салон. Одна мачта. Длина корпуса 16,16 метров, ширина 4,87. Он же не Абрамович.

– А при чем тут... У русских такие трудные фамилии всегда. Насуют туда всех этих чмокающих согласных. И обязательно в каждой фамилии нужно порычать, или в начале или в конце.

Шеф немного порычал, для наглядности. Получалось у него здорово. Не как у русских, но тоже хорошо. Только закашлялся потом. Бронхитный кашель. Застарелый.

– У нас, кха... кха... тут, кха... два года назад полковник из России стажировался. Прекрасный парень. Умный. И не пьет совсем, даже за обедом. А как разбирается в лошадях! Мы пять вечеров с ним обсуждали скакунов. Как наблюдателен! Какие характеристики раздает, ты бы послушал. Жалко не приедет больше, наши начальники больше не дружат. Так у него имя такое, что сразу рычать надо: Rrrrrinat.

А фамилия, ты не поверишь, меньше чем за четыре раза ее не выговоришь. А чтобы запомнить, нужны специальные мнемонические... кха... приемы. Вот смотри: Sara – это первая часть, как у испанцев *segra*, так запоминал. Foot – это уже по-английски нога, *di* – так у итальянцев в именах бывает, Ди Мария, например, в Риме сейчас служит, прекрасный полицейский. Мы с ним в свое время... Ну и четвертая часть похожа на немецкий – *poft* это у русских приколотой, фамилии на «-off» заканчивать. Но фамилия ладно. Ты представляешь, в каком он городе служил в полиции? То, что название не выговаривается, это еще ладно. Он мне это название перевел, получилось: «Яхты, для берега».¹⁴

Все это время, пока лейтенант-колонель рассказывал про этого русского полковника, я усиленно делал вид, что внимательно слежу за мухой, ползающей по окну кабинета. И, похоже, это сработало, потому что до моих ушей донеслось:

– А этот твой Абрамович. Кто он такой вообще?

Добрый Бог! Хоть какая-то реакция на мои слова!

– Шеф, вы тем, что в мире происходит, когда-нибудь интересуетесь?

– Интересовался, да. Пока мы бошам в одной восьмой не проиграли на мундиале. А сейчас, нет, не интересуюсь. Но фамилия знакомая. Я где-то ее слышал. Он нефть продает что ли?

¹⁴ Похоже полковник Ренат Сарафутдинов служил в полиции города «Набережные Челны» – А. П.

– Неважно это. Просто у него яхты очень большие и их много. А у нашего Владимира, по сравнению с теми, что у Абрамовича, яхта так себе. Уточка для ванны. Но! Для торговли алмазами лучше не придумаешь. Ему доставляют алмазы небольшими порциями в Капдай, а он везет их хоть в Марсель, хоть в Геную...

– А причем тут матрас?

– В том то все и дело. Яхту всегда можно обыскать. Но кто будет обыскивать надувной матрас, на котором, к тому же, загорает шикарная блондинка?

– А тебе почему знать, что она шикарная?

– Ну, она должна быть такой, по определению. Жена русского в Капдае. Какая она еще может быть. А потом, я же видел ее прошлой ночью: высокая, стройная, но чуть пышноватая. Движения медленные, голос хриплый.

– То есть красавица?

– Это на чей вкус.

– Ну ладно. Оставим описание женщин мсье Флоберу. Версию с алмазами, украденными вместе с надувным матрасом, я считаю надуманной. Заниматься мы этим не будем. Есть что-то еще?

– Есть.

И я изложил лейтенант-колонелю версию су-лейтенанта Дюлона.

– Любовник, уплывающий на матрасе, – задумчиво протянул шеф, – гораздо ближе, кха, к жизни, чем уплывающие

на нем же алмазы. Но и эта версия, пока что, не жизнеспособна. Был любовник или нее было его, мы, кха, не знаем. И гадать не будем. Вот чем ты займёшься. Сегодня, когда выспишься, после дежурства. Ты съездишь в префектуру департамента Лазурный берег – Приморские Альпы и посмотришь все документы, на основании которых Владимир Андрэ... ййй... тьфу... и его супруга проживают во Франции. И чем владеют. Возьми их фото с официальных документов. Затем, найди кого-то из прислуги виллы, уборщицу или садовника. Пусть они тебе расскажут о хозяевах, как можно больше. Подробности их личной жизни, обстановка в доме, характер, знакомые, как они время проводят. Да сам знаешь, что я тебя учу.

– А если...

– Можешь... но много денег не трать, никто их тебе официально не вернет. И помни, для того чтобы разговорить свидетеля, лучше его угостить, чем ему заплатить.

– Шеф, я хотел спросить, можно ли осмотреть яхту?

– Да осмотри. Но с разрешения хозяев, разумеется. Пусть они убедятся, что мы расследуем их дело всерьез. Но это не сегодня. Сегодня позвони, договорись о встрече. А завтра съездишь на виллу, поговоришь еще раз с мсье и мадам Андрррр... кха... и попросишь тебя проводить на яхту. Все понял?

– Да шеф.

– Действуй су-лейтенант. И побольше серьезности. Мы

муниципальная полиция. От нас зависит порядок в этом городе. И мы... ну и так далее. Иди, давай.

16.42. Там же.

Мне выделили стол, в ящиках которого я могу хранить документы по текущим делам. На рабочей поверхности стола это не получится – она вся занята папками, анкетами, квитанциями и прочими полезными документами, необходимыми в работе лейтенанту Гастону Кариру. Шеф сказал, что это временно, просто у нас, в участке, мало места. Почти всем сотрудникам приходится делить один кабинет или даже стол, на двоих. В здании жандармерии, которая тут рядом, места больше, но и там приходится тесниться.

16.58. Там же.

Я познакомился с лейтенантом Кариром. Это огромный чернокожий парень. Он выше меня на голову, у него огромные влажные глаза, веселый рот, а кисть руки такая, как будто ее специально сделали, чтобы правильно держать баскетбольный мяч перед трехочковым броском.

Мы с ним легко сошлись и договорились зайти в какой-нибудь бар в Ницце, в пятницу вечером. Если, конечно лейтенант-колонель не сдержит свое обещание и не запихнет Карира дежурить в участке все ближайшие выходные. Бары в Ницце – это как раз в моем квартале, сообщил Карир и заверил меня, что в ночь с пятницы на субботу спать мне все

равно не придется, даже если я очень захочу. А сам он живет в Больё сюр Мер, неподалеку.

Он предложил разгрести часть поверхности стола, но я сказал, что мне достаточно ящиков в тумбе, даже пока, одного. Все равно я все свои записи делаю в планшете, там же собираюсь хранить сканированные копии документов. Я современный полицейский: методичный, аккуратный, стильный и дружу с прогрессом. Не то, что тот капризный маменькин сынок, что этим летом работал в полицейском управлении Марселя и пропустил свою жизнь между пальцев.

(Примечание. Две последние фразы не были произнесены в разговоре с лейтенантом Гастоном Кариром. Их место, там, куда нужно отправлять все маргиналии – на полях моих заметок. Увы, в планшете не предусмотрена функция «запись на полях»).

Гастон был благодарен мне за то, что я не заставил его наводить порядок там, где это не предусмотрено природой – в его делах. И за это предложил мне послушать его стихи, – Ты из Ниццы, ты оценишь, – сказал он.

Я ответил, что моя семья из Бордо, а сам я перевелся сюда из Марселя, но ему было все равно. Вот эти стихи, я записал их и не потому, что боялся забыть. Боюсь, что это уже невозможно. Они винтились, в мой мозг, как штопор в пробку и извлечь их из моей головы можно теперь только с этой

самой пробкой. То есть с мозгом.

«Два полицейских из города Ниццы
Дружно решили кому-то присниться.
Один предложил: «Приснимся друг другу»
Другой отказался, вспомнив супругу».

Я не большой знаток современной поэзии. Но прослушав эти стихи, я, кажется, начал понимать, почему он не стал баскетболистом. Там, в спорте, мышление конкретное: отдал – открылся – получил обратный пас – оттер соперника – бросил. А капрал Гастон мыслит сложно.

(Примечание. О планшете. Когда-то, давным-давно, в фильме «Такси», кажется, «два» я увидел, как японские мафиози пытаются похитить японского же министра обороны, при помощи складного компьютера, который легко умещается в кармане, а может делать все то, что делает нормального размена лэп-топ. И даже больше. Планшетов тогда еще не изобрели. И мне очень хотелось получить такой компьютер. А во Франции они почему-то не продавались. Может быть потому, что они существовали только в кино. И в Японии. Зато теперь у меня есть планшет «Sony», который складывается, как книжка и легко умещается в карман. На одном из его двух экранов (верхнем) я пишу свой текст, клавиатурой, которая размещена на втором (нижнем) экране. Отсюда мораль: мечты сбываются.)

Впрочем, я открыл свой планшет не для того, чтобы его описывать, а для того, чтобы сделать запись о своем посещении префектуры в Ницце. Но сейчас не успеваю. Мне надо заскочить в муниципалитет Капдая, где обещали показать документы по аренде виллы «Палома» и дать адрес кого-то из обслуживающего персонала.

17.22. Муниципалитет Капдая.

Мадам Мари Ронсо, работает на вилле Палома, проживает местечке Vallon de Bottin, улица Арнюлф, в собственном доме. Понятия не имею, где это. Лишь догадываюсь, что в стороне, противоположной морю, то есть в горах. В мэрии мне дали номер ее телефона. Я позвонил, и мадам Ронсо любезно согласилась меня принять у себя, рассказав как до нее доехать. Это где-то сразу после Le Chene Vert, не доезжая до местечка Drap, направо. Надо бы GPS себе установить в планшет или в телефон, если так ездить придется.

(Примечание. Так – это далеко. Для моего «Пежо», разумеется.)

20.09. Ницца. Квартира на улице Александр Мари.

Надо бы выйти на площадь Шарль Феликс, заглянуть в какой-нибудь недорогой ресторан. А то я пропустил обед с этим расследованием.

(Примечание. Я уже называю поиск надувного матраса расследованием! Ну, кто еще не смеется над су-лейтенантом Шарлем? Но, всё же, сначала, запишу все самое важное из того, что узнал сегодня.)

В Ницце, в префектуре, мне ничего толком добиться не удалось. Узнал лишь, что Владимир Андрейчиков, с супругой обладают во Франции статусом налогового резидента с 2009 года. Еще я взял копии их фотографий, предлагавшихся к документам. Владимира я сам видел, и судить не могу, а Жанну по такому фото узнать трудно. Этот европейский стандарт фото на документы превращает людей в андроидов. Волосы убраны назад, лицо без теней, выражения нет никакого, глаза стеклянные. Не знал бы, что Жанна, не узнал бы. Хотя, если присмотреться сходство есть: кончик носа, верхняя губа, то, что осталось от прически. Ну да ладно. Мне же не надо их опознавать. А фото надувного матраса в префектуре не было. Он на статус налогового резидента документов не подавал.

Теперь – разговор с Мари Ронсо. Я добрался до ее дома... ну, в общем, добрался. Если бы не свернул не в ту сторону, то было бы совсем быстро. А я свернул. Три раза. Так что пришлось ей перезванивать и еще прохожих спрашивать, в каком я месте оказался. И почему. Впрочем, почему – я сам знаю. Если бы не тот наш разговор с Сильви, в мае, то ниче-

го бы этого не было. Ни ссоры с отцом в июле, ни торопливого прощания с мамой, при быстром отъезде, ни перевода в Капдай.

Ну, может быть, оно и к лучшему. Где бы еще я получил такое дело – «Дело о пропавшем надувном матрасе» – как его уже окрестил су-лейтенант Дюлон. Ну и что. Зато оно – мое.

Итак (педантизм су-лейтенант!), характеристика свидетеля. Мари Ронсо, пятьдесят четыре года, вдова, проживает с дочерью, зятем и двумя внуками в деревушке Валон де Батен, что уже было отмечено в этом журнале. Впрочем, проживает только формально. Вот уже семь лет он работает (а точнее, работала до – прошлой пятницы) на вилле «Палома» и была там кем-то, вроде домоправительницы. Утром в воскресенье дочь или зять отвозили ее в Капдай, а вечером в пятницу забирали домой, к внукам. Так что жила она, большей частью, на вилле, что, как я думаю, сильно способствовало гармонии в семье ее дочери.

Я спросил, где работают дочь и зять, оказалось в Ашане, что в Ла Трините, это в пяти минутах езды от дома. Дочь кассиром, а ее муж грузчиком. Сад у них хороший. Она сказала, что сама старается следить за садом. Ей помогают дочь и внуки. Те сейчас у родителей зятя, на побережье. А самому зятю не до сада. Он то днем работает, то ночью, по графику. А еще помогает старшему брату в маленькой строительной фирме. Сливы у них великолепные. Она сказала, что лучше ее шелковицы вот всей округе нет, но она уже сошла. Зато

конфитюр из нее...

Но к делу. Мари Ронсо поначалу говорила со мной, не разжимая губ. Она обижена на весь мир. И понять ее можно. Семь лет она проработала на вилле «Палома», при разных арендаторах, а в пятницу ее уволили без объяснения причин. «Этот Владимир», просто сказал, что в ее услугах больше не нуждаются, и в понедельник она может не приезжать. С хозяином виллы все обговорено, ей вышлют чек, с компенсацией, положенной по контракту. А если нужно забрать личные вещи, то она сможет приехать за ними позже, на следующей неделе.

Не знаю, как и каким образом, но увольнение Мари Ронсо в пятницу и внезапная активность обитателей виллы «Палома» в воскресенье, мне кажется событиями как-то связанными. Но я ей об этом, естественно не говорил, просто посочувствовал. И постарался ее разговорить. Что мне, в общем-то, удалось. И она сообщила мне, что на вилле живут не только Владимир и Жанна Андрейчиков, но и дочь Владимира от первого брака Ирина. Появилась она недавно, около года назад, посещает занятия в университете Ниццы. Правда, не часто. И тогда живет в Ницце в своей квартире. Но больше – на вилле, у отца.

Разговор предстоял, видимо, долгий. Я набрался храбрости и попросил чашечку кофе. Как ни странно, мадам Ронсо расцвела и стала рассказывать, как она готовила кофе до появления «всех этих машин». Я похвалил ее кофе, полу-

чил круассан и доверие моей собеседницы. Она рассказала, что в ее обязанности на вилле входила уборка, закупка воды и продуктов питания.

– А напитки?

– Мсье покупал по каталогу какой-то фирмы и их доставляли раз в месяц. И лед тоже, по ящику в неделю.

Еще мадам Ронсо сервировала завтрак, а готовки было не много. Главным образом – легкий ужин. Хозяйка следила за фигурой. Чьей? Своей! С мужем справиться было невозможно, он вечером, если приходил не слишком поздно, требовал себе «buterbrod» со всем что есть в холодильнике. Причем багет нужно было резать вдоль на две половинки, а потом одну половинку, нагруженную начинкой, накрывать второй.

– Русские мужчины любят немецкую еду: бутерброд, колбаски, котлеты – авторитетно пояснила она.

Дочь Владимира, похоже, вообще не ела, даже утром. Сок выпьет и все. А обедали они все вне дома, в ресторанах. Да и ужинали, часто, тоже. Еще она отдавала белье в стирку и одежду в химчистку. Но за бельем на виллу приезжали посыльные раз в неделю.

В этом месте мадам Ронсо позволила себе тираду, смысл которой состоял в том, что за все годы ее работы, сначала в отелях, затем домоправительницей в частных домах, ее никто так не обижал, как обидел этот Андрейчиков.

Я спросил, есть ли на вилле кто еще из обслуживающе-

го персонала. Мадам Ронсо ответила, что нет, она справлялась со всем сама, хотя садовник бы не помешал. Но хозяева на сад не обращали внимания совсем. Мсье все время занят. У него много работы. И, судя по разговорам, дела в России у него не так хорошо как хотелось бы. Он часто туда летает, возвращается мрачный. Нет, русского языка она не знает, но там и знать ничего не надо. Как на русском разговор пошел (значит про дела в России), так сразу интонация тревожная, брови насупленные, движения резкие. Нет, плохо там все было у него.

А хозяйке нужен был только бассейн. Как-то раз она сказала кому то из гостей: «Я не затем выходила замуж за этого *ruzana*, чтобы на грядках сидеть».

– А как вы поняли, что она сказала?

– Так она же по-французски сказала. Но нормально говорит. Только *ruzan* непонятно.

– А со мной она по-английски говорила.

– С ней случается иногда...

И мадам Ронсо вновь поджала губы.

Я задал вопрос, чем ещё занимается мадам Жанна, кроме того, что лежит у бассейна. Вот тут мадам Ронсо вновь (в третий раз!) поджала губы и заявила, что хоть ее и уволили, но она свою репутацию хранит и о хозяевах ничего плохого говорить не собирается. А если мадам и позволила себе что, то это не наше дело. Ведь она никого не убила?

Я заверил ее, что нет, наоборот, это они жалуются на то,

что у них похитили ценную вещь... Нет, не на вилле, а на яхте (и четвертого раза поджатия губ пока не случилось).

(Nota bene. Посмотреть в словаре кто такой rissan или rizan. И обдумать вопрос: если мадам Андрейчиков прилично говорит по-французски, почему она сейчас отказывается это делать?)

Мне пришло в голову спросить, есть ли на вилле сейф, но мадам Ронсо меня разочаровала. Нет, сейфа нет. Есть большой письменный стол в кабинете мсье. Ящики его запираются. Там он хранит какие-то документы. Она несколько раз видела, как он их прятал.

В конце разговора я показал ей фото мсье и мадам Андрейчиков. Она сказала, что мадам очень похожа. А вот фото мсье старое, он сейчас вылит не то чтобы сильно старше а, как бы это сказать, более обрюзгшим, что ли. Еще год назад он был подтянут и спортивен, как настоящий отставной военный. Много плавал и в бассейне и в море, купил снаряжение для подводного плавания и грозился, что начнет бегать по променаду до бухты Мала и обратно, как это делают все «настоящие», как он говорил, жители Капдая. А последние недели он совсем другой. Одутловатый. Так она сказала.

– А мадам?

– А мадам этого демонстративно не замечала. Только стала чаще отлучаться по вечерам.

И больше, как я не бился, она ничего не сказала. Тогда я спросил о дочери. Какая она?

Маленькая. Нет скорее, небольшая, поправилась мадам Ронсо. Не маленькая по возрасту и лишь чуть меньше ростом, чем мадам. Просто производит впечатления юной. Тёмненькая, с коротко стриженными волосами, длинноносая, очень подвижная, никогда не сидит на месте. Как небольшая птичка. Дрозд или бекас.

– Becasse или Bekas – так называется их яхта.

– Да. Он порой произносил это слово. Особенно в разговоре с дочерью. Я даже думала, что он так ее называет.

– А как он называл мадам?

– Жанна. Но он редко к ней обращался. А когда она его звала...

– Puzan?

– Нет, никогда. Она звала его «daraghoу». Но он мог и не ответить. Особенно последние дни.

– Почему?

– Не знаю, не мое это дело.

Видя, что мадам Ронсо собирается вновь поджать губы, стал прощаться.

По дороге попал в грозу. Здесь, горах, а скорее предгорьях, они сильнее, чем на побережье. Недалеко от Ла Тринте произошла авария. «Пежо» столкнулся с «Фиатом». Не то, чтобы сильно, но они как то так сцепились, что не могли разъехаться. Их владельцы (молодой мужчина был в «Фи-

ат» и муж с женой, оба среднего возраста – в «Пежо») топтались рядом и пытались куда-то звонить. Он сильно промокли. Женщина всё пыталась расправить зонт, сминаемый ветром. Я остановился, позвонил в жандармерию Ниццы, там обещали прислать помощь. Еще я предложил подвести женщину до ближайшего кафе, чтобы она могла переждать грозу, пока мужчины будут дожидаться аварийной машины. Но она ответила, что за рулем была именно она и вообще она лучше всех тут понимает, что нужно делать. Тогда я пожелал всем удачи, решив, что в этой ситуации полиция бессильна.

В на побережье, в Ниццу, гроза еще не пришла. Редкие капли били по камешкам мостовой. Недовольные голуби скакали от них, как от мелких камешков, которыми их отгоняют от себя на пляже ленивые туристы. Но ветер смольный, сильнее даже, чем прошлой ночью. Море волнуется. Хотя казалось бы, какое ему дело. Обычная гроза.

22.22. Ницца. Площадь «Шарль Феликс». Кафе «Le Coin Quotien».

Гроза все собирается и собирается. Наверное, собирается показать нам, что она тут главная. Как та мадам, которая сидела з рулем «Пежо». Но пока она не пришла, можно посидеть на улице и съесть пиццу.

Пицца входит у меня в привычку. И это не очень хорошо. Во-первых, это скучно. Одна и та же еда каждый вечер убивает фантазию. Во-вторых, такое занятие убивает перспек-

тиву. Если я в двадцать три года становлюсь одиноким пожирателем пиццы, то, что со мной станет лет в тридцать пять? Страшно подумать. А в-третьих, французская пицца – это все же не совсем то, что итальянская. И пусть меня обвиняют в анти патриотизме и назовут пятой колонной, но я буду стоять на своем. И дело не в том, что французская лепешка толще итальянской примерно в полтора раза. Можно даже не обращать вынимание на то, что ветчина во французской пицце самого пластмассового вкуса из всех возможных. В конце концов, можно брать пиццу без ветчины. Например... эээ... вегетарианскую. (Вопрос о том, какой смысл заказывать вегетарианскую пиццу, если твоя любимая пицца – это пицца с хамоном, пока рассматривать не будем). Но ничего, совершенно ничего нельзя поделаться со вкусом сыра. Мы, французы, слишком любим сыр, слишком *понимаем* его, что бы сыпать настоящий, вкусный сыр на хлебную лепешку и плавить его в печи, вперемешку с томатной пастой. Ни у одного французского повара не поднимется рука так издеваться над настоящим сыром! А у итальянского – поднимется. Поэтому, во французской пицце сыр применяется самый дешевый. И это не скупость, приписываемая нам иностранцами, а трепетное отношение к сыру, как национальному продукту. Но пицца, в результате получается так себе.

Лучшую пиццу в своей жизни я ел два года назад, в июле, в городке Джордини Наксос. Мы, я и Сильви, провели две

недели в Таормине, валялись на пляже, ездили окрестным городкам, прокатились по старой железной дороге, вокруг Этны. А вечерами мы много ходили по берегу моря. Однажды забрели в Джордини, долго шли, устали. Был уже вечер, вместо моря была большая черная яма, а вместо луны – золотая дыра, даже две: вверху и внизу. Нам не хотелось в отель, мы зашли в прибрежную пиццерию, заказали два бокала вина, одну пиццу на двоих и смотрели, как ее «собирают», а потом пекут в большой каменной печи. В той пиццерии было пусто, только еще одна пара ждала свою пиццу. Девушке было двадцать с чем-то лет, может быть она была нашей ровесницей: стройная, тонкие черты лица, чудесные большие глаза, цвет которых было не разглядеть тонкие пальцы, выгоревшие русые волосы. Она все время улыбалась и что-то говорила своему спутнику на каком-то славянском языке. А тот, молчал, кивал и Время от времени произносил лишь одно слово:

– Да!

Значительно старше ее, сутулый и грустный он, чем-то походил на ослика, который тянул-тянул свою тележку, да и остановился у колодца, в надежде на то, что кто-нибудь нальет ему воды.

– Как ты думаешь, – спросила Сильви, когда я перевел это «да», – он может ей сказать: «нет»?

– Нет.

– А ты – мне?

– Я же только что это сказал!

Так мы сидели, ели пиццу, вкуснее которой уже не будет в моей жизни, пытались угадать, кто они – наши случайные соседи – муж с женой или папа с дочкой. Но так кажется ничего и не решиииииииииииииииииииии

Дьявол! Я забыл позвонить, на виллу Палома и договориться с мадам и мсье Андрейчиков о беседе с ними и осмотре яхты. Вот тебе и педантизм. И точность. Сейчас уже 22.45. Звонить так поздно? Нет, что они подумают о полиции? Позвоню завтра утром. А начальнику скажу, что их не было дома. Или дозвонюсь до встречи с шефом. В восемь утра! Но что тогда они подумают о полиции? Замкнутый круг. Во сколько же им надо звонить, чтобы не разбудить: в десять, в одиннадцать? Получится, что я, су-лейтенант Шарль Секонда, проигнорировал одно из первых указаний начальства на новом месте работы. Мало того, человек, который проводит меня из полицейского участка Капдая пинком под зад, будет ученик моего отца, генерал-лейтенанта полиции в отставке, итак уже назвавшего своего сына этим летом «су-размазней». Просто прек...

23.21. Ницца. Квартира на улице Александр Мари Просто прекрасно!

В самом деле, все складывается очень даже не плохо. Для кого как, конечно. Боюсь, что у Владимира Андрейчиков дела идут не так уж хорошо. Только что (в 21.15 – точность

су-лейтенант!) позвонила его жена. Неужели, давая ей свою карточку, я и в самом деле сказал «Звоните в любое время»? Так или иначе, она позвонила и сказала, что ее муж пропал. Точнее его нет ни на вилле, ни на яхте уже около суток. Она беспокоится. Он не отвечает на звонки, телефон его «вне зоны доступа сети». Она съездила на яхту, оставила там записку, в салоне, на видном месте. Но он не позвонил. И не появляется. Я спросил, когда он ушел. Она ответила, что прошлой ночью, почти сразу после того, как я от них уехал. Дальше не все можно было разобрать. Во-первых, мадам начала всхлипывать. А во вторых, смысл некоторых ее слов до меня не дошел. Например, она сказала, что у мужа была такая особенность: когда он выпивает, то ему хочется чего-то такого, что в ее английском (а мы с ней говорили по-английски, хотя домоправительница утверждает, что мадам вполне прилично знает французский) звучит как какая-то бессмыслица, а по-русски я вообще ничего не понял: «tyanet na podvigi».

В общем, Владимир заявил, что хочет покататься на машине, жена возражала, он не слушал, они поругались. И тогда Виктор, который почти не пил, сказал, что сам поедет с Владимиром. И они ушли.

Я спросил, а что же Виктор, он тоже пропал. Нет, она позвонила ему часа три назад. Он давно уже в Провансе, под Арлем. Но у него там у него какая-то неприятность случилась и они говорили недолго. Она сказала, что Виктор по-

пал в больницу, но не из-за ее мужа, а что-то там с машиной приключилось

Я попросил прерваться и спросил, что Виктор делает в Провансе. Она ответила, что теперь уже живет. Он купил там виноградник. Это недалеко от Арля. Ее муж помогал оформить сделку, ее падчерица Ирина – привести в порядок дом. Она уехала туда в субботу, Виктора они как раз провожали в понедельник. Он собирался отправиться туда утром, но уехал ночью.

– Это он так сказал?

– Да. Они с мужем отправились прокатиться на машине Виктора, потом тот предложил вернуться на виллу, но муж не захотел. Виктор отвез его на яхту, а сам отправился Прованс.

Она еще сказала, что Виктор не особо обеспокоен. Он считает, что Владимир может сидеть в казино или даже отсыпаться где-то на пляже. Он посоветовал позвонить в полицию завтра утром, если отец не объявится. Но Жанна не выдержала и решила сделать неофициальный звонок. Я договорился, что приеду на виллу завтра, как только поговорю с руководством.

Я спросил, а что говорит дочь Виктора, на что Жанна сказала, что у той не работает телефон. Виктор тоже ей позвониться не может. Но по этому поводу Жанна не беспокоится. Ирина все время что-то забывает и теряет. Или потеряла телефон или забыла зарядку. Ее волнует муж.

Я постарался ее успокоить. Сказал, что отсутствие в течение суток – еще не повод для паники. Особенно, если рядом Монте-Карло. И что завтра я попробую разыскать Владимира или же получить какие-либо сведения о нем в полиции Монако, Болье, Ментоны и Ниццы. Вроде бы она успокоилась. Хотя в ее голосе была не только тревога. Сильно выпила? Может быть.

Вот так. Теперь мне не надо врать начальству. Разговор с Жанной состоится, даже если ее муж за это время отыщется. Но я думаю, что нет, не отыщется. И более того, у меня теперь, кажется, есть объяснение всей этой дурацкой истории с пропавшим надувным матрасом.

Среда. 10 сентября

08.17. Полицейский участок Капдая

В ожидании разговора с начальником, я перемолвился с дежурным офицером, майором¹⁵ Марселем Киттелем. Он собирается в отпуск, и спросил меня, не был ли я в Египте. Я ответил, что нет и не знаю, зачем туда ехать. А он мне сказал, что и сам не думал никогда, но его девушка увлекается подводным плаванием, в Египте, говорят лучшие условия для дайвинга.

– А сам-то, – говорю ему, – можешь под водой...

– Вообще-то не очень, пока, – отвечает, – Я раньше парашютным спортом увлекался. У меня двенадцать прыжков. А до этого, на роликах...

Не производит он впечатления универсального спортсмена, хоть убей. Лысеющий, в свои двадцать пять, толстячок, с белыми ресницами. А если его следующая девушка будет по скалам лазить или на доске с горы спускаться? А судя по всему до этого, когда-нибудь дойдет. Надо идти, шеф зовет.

09.41. Там же.

¹⁵ Я с удивлением узнал, что чин майора во Франции равен чину прапорщика в России. Получается, что Марсель Киттель, чином ниже су-лейтенанта Шарля – А. П.

Вот это поворот. Надо мчаться на виллу Палома. Там убийство. Потом все запишу.

12.51. Монако. Угол улиц Гримальди и Сюран Реймон. Ресторан «La Provence».

Гастон посоветовал съездить сюда, если захочу пообедать в неурочное время. К тому же, он заверил меня, что будет вкусно и недорого. Здесь дают блюдо дня не дороже 16 евро. Сегодня рыба-меч с вареным шпинатом. Хозяин очень любезен. Я решил, после участия в осмотре места происшествия быстренько поесть и потом уже представить отчет лейтенант-колонелю. Потом уже, скорее всего, времени ни на что не будет.

13.22. Там же.

Гастон прав. Вкусно и чрезвычайно быстро. Я и не помню, когда это мне удавалось пообедать за полчаса. Хозяин очень любезен. Пожалуй, надо будет заглянуть сюда еще раз. Но пора... Только что позвонил майор Киттель. Шеф собирает всех свободных полицейских у себя в кабинете в 13.30. Говорит у нас кризис. Еще бы, в кои-то веки убийство! И я в центре событий. Потом все запишу. Когда время будет.

14.04. Полицейский участок Капдая.

Ну, все немножко не так, как думалось. Но сначала телефон.

14. 57. Там же.

Ну вот. Первые шаги в новом-старом расследовании предприняты. Можно немного отдохнуть, выпить кофе и сделать необходимые записи в журнале.

Начинаю с утра, с того момента, когда меня вызвали к начальнику. Лейтенант-колонель сидел за столом, уставившись в бумаги. Не глядя на меня, он указал рукой на стул и пробурчал что-то вроде: «нукаккхадела».

Я решил сразу огорошить его новостью об исчезновении Владимира Андрейчиков, а о том, что я узнал вчера, рассказать по мере изложения своей версии событий.

Да! У меня была версия. И, не смотря на последующие события, я от нее не отказываюсь.

Я сказал лейтенант-колонелю, что версия с алмазами в матрасе была, конечно, глупой, но зато теперь...

Начальник мой, в своей привычной (как я понимаю теперь) манере не выслушивать подчиненных до конца (поскольку они, по определению, ничего полезного сказать не могут), а делать выводы, на основании первых трех сказанных слов, немедленно меня перебил.

– Вы растете в моих глазах су-лейтенант. Признать, что в прошлом был глуп, может не каждый. Я уж не говорю о той степени ума, когда человек может признать, что он глуп, кха, прямо сейчас.

Я решил, что не буду обращать внимание на дурной нрав

начальства. Может быть, он плохо спал этой ночью. Может быть, у него обострился бронхит. Вчера он так не кашлял. Я стал излагать свою версию. Вот она.

Андрейчиков не просто пропал. Он убит и тело его, скорее всего, уже находится на дне моря, с привязанным к ногам грузом. И мы его уже никогда не найдем. Причем убит он не вчера, а, как минимум, утром в воскресенье. Вы можете задать вопрос, а кто же тогда обедал в бухте Мала и подавал заявление в полицию?

– Я не собирался, кха, задавать этот вопрос. Но ты можешь продолжать, если не собираешься и в дальнейшем держать трагические паузы. У нас, в полиции, много дел. Кха. Кхе.

Спокойно су-лейтенант! Помни: аккуратность и педантичность. Я продолжил.

Я вспомнил, пару русских туристов в Италии. Они много разговаривали, но мужчина обходился лишь одним словом «da». У него это звучало, как «я не против, говори дальше». А иногда, «ну конечно» или «неужели». По словам официантки, мужчина в ресторане, которого мы считаем Владимиром Андрейчиковым, никак себя не проявлял, сидел, пил пиво, ничего не говорил, кроме «da» и был незаметен. Все внимание на себя стянула его жена. Она капризничала, гоняла официанток. Ее мужа и не запомнили бы, если бы он не оставил, по словам официантки «неприлично большие чаевые».

– Ну и что? Русские так и делают.

– Я считаю, сто это мнемонический прием. Зафиксиро-

вать, что Владимир был в кафе, не дав его толком запомнить. А потом та история повторилась у нас в участке. Воспользовавшись первым попавшимся предложением (безусловно, дурацким), она заявила в полицию, где псевдо-Владимир опять никак себя не проявил. Говорила его жена. Два свидетеля заявят потом, что Владимир в воскресенье был жив. При этом по случайности или нет, пока не знаю, но домохозяйка виллы Палома была увалена в пятницу. Она-то и видела реального Владимира последней. А что с ним происходило с вечера пятницы, никто не знает, поскольку перед нами фантом. Муляж. Симулякр.

– Из твоего рапорта следует, что Владимир Андрейчиков, был на вилле и в ночь с понедельника на вторник. Это тоже симулякр?

– Да! Я *думал*, что Андрейчиков на вилле, поскольку, так мне казалось. Я слышал его голос. Но что было на самом деле? О том, что Владимир в доме сказала жена. Ко мне вышел его друг Виктор, и это подтвердил. Но самого Владимира я не видел.

– Тогда возникают два вопроса. Первый, кому нужно убить Владимира. Второй: зачем нужно делать вид, что он жив.

– А на, это шеф у меня есть целых две теории. Но, поскольку фактов у нас мало, я мне знаю какую теорию выбрать.

И я изложил обе.

Первая. Домоправительница сообщила, что муж и жена Андрейчиков не очень ладили, жили, каждый, сам по себе. К тому же к Владимиру приехала дочь от первого брака. Она сейчас в Провансе, у жениха. Жанна решила, что ее положение неустойчиво. Это, конечно слабый мотив. Из-за охлаждения отношений в семье так сразу не убивают. Но мы многого не знаем. Может быть, у нее были и другие мотивы. Во всяком случае, ее активная роль в том, чтобы «показать» живого мужа, как можно большему кругу людей заставляет к ней присмотреться.

Вторая. Я бы даже назвал ее главной. Если Владимир был связан с нелегальной торговлей алмазами, а затем не смог выполнить ряд своих договорённостей, то это могла быть месть алмазной мафии. Жанна, в таком случае становится соучастником, действующим, либо добровольно (это если она участвовала в делах мужа) или под угрозой расправы.

– А кто же, кха, играл роль Владимира в ресторане и в полицейском участке?

– Какой-то человек, напоминающий мсье Андрейчиков телосложением и типом лица. Жанна оттягивала на себя внимание, он находился на периферии сознания всех, кто его видел. В первой версии это мог быть некто Виктор, друг Владимира и его партнер. Может быть, они договорились с Жанной. Во второй – вообще кто угодно. Кивать и говорить «да», время от времени, можно научить и медведя. В конце концов, мы не знаем, существует ли Виктор на самом де-

ле. В бухте Мала и полицейском участке он не никак себя не появлялся. Там «супруги» были вдвоем. А мне о нем сказала Жанна. Человек же, с которым я разговаривал (он, кстати, как раз немного похож на фото Владимира), говорил по-французски и о том, что он русский известно лишь только со слов Жанны.

– Ну, предположим. У тебя есть две версии убийства. Обе никудышные, но они есть. Но ты никак не объясняешь мотив подмены. Кому и зачем она понадобилась.

Ха. Я только начал. Кудышные-никудышные, это мы еще поглядим. Сейчас я сосредоточен на подмене. И я могу ее объяснить. Подмена необходима для того, чтобы оттянуть начала следствия скрыть все улики произошедшего убийства. И более того, поставить сам факт убийства под сомнение. Возможно, Владимира убили в спешке, не продумав заранее всех деталей. К этому подталкивали обстоятельства: увольнение домоправительницы и отъезд дочери. Все нужно было провернуть быстро.

К тому же (если брать в расчет первую версию), Жанне выгодна не доказанная смерть мужа, а именно пропажа, поскольку в случае смерти большая часть состояния ее мужа может уйти к его дочери. А пока его не признали умершим, всем имуществом будет по-прежнему заправлять жена. С чем связана необходимость отсрочки в объявлении Владимира пропавшим, мы поймем, когда выясним, каковы были его отношения с местным преступным сообществом.

– Кха.

Это сказал шеф, когда я закончил. И еще раз:

– Кха.

Потом ион поерзал на своем стуле и подложил.

– Значит так, су-лейтенант. Я назвал твои версии никому-дышными и сейчас намерен объяснить, почему. Твоя вторая версия никуда не годится по той простой причине, что в Капдае мафии нет. Ни алмазной, ни какой другой. А если кого-то ветром и надует, то в Капдае мафия не убивает. И вообще, мы не в Америке живем и даже ни в и Италии Мы во Франции. Здесь если кто кого-то убивает, то муж – жену, жена – мужа. Если есть любовник, значит, муж убивает любовника или любовник – жену. В самом крайнем случае, брат убивает сестру, сестра – брата. Об этом раз и навсегда написал мсье Корнель.¹⁶

– Свою?

– Можно и свою. Тебе принцип ясен?

– Принцип ясен шеф. Непонятно, почему в Капдае мафия

¹⁶ Лейтенант-колонель, вероятно, имеет в виду «Рассуждения о трагедии и о способах трактовки ее согласно законам правдоподобия или необходимости», Пьера Корнеля. В этом произведении великого драматурга есть такой пассаж «Если человек, безразлично относящийся к другому, столь же безразличному к нему, убивает его, то и это производит не большее впечатление, тем паче что в душе совершающего действие не происходит никакой борьбы; но когда такие события случаются с людьми, кои связаны друг с другом кровными узами или чувством привязанности, например, если муж убивает или намеревается убить жену, мать – детей, брат – сестру, вот что наилучшим образом подходит для трагедии». (Перевод В. Покровского и Е. Гречаной) – А. П.:

не убивает. Это запрещено?

– Во-первых, да. Запрещено. Законом тоже. Но дело не в том. Есть культурные стереотипы. Традиции. Хочешь быть мафией, езжай в Марсель.

– Но Марсель тоже Франция шеф.

– Что поделатъ, мы не можем игнорировать новые, кха, тренды. Если мафия должна быть везде, пусть будет. Но в Марселе. Этого достаточно. Это интернациональный город, тебе ли не знать. А мы – французская глубинка, пусть и с виллами богачей. У нас тут собственное понимание жизни, и смерти. Жена убивает мужа, муж – жену, любовник...

– Мужа?

– Можно и так. Теперь вторая версия. Она гораздо лучше. Но. Кха. Она же строится на сплошных допущениях. Возможно, Владимир Андрейчиков убит. Возможно, это сделала жена, которой – возможно – понадобилось скрыть факт убийства. Возможно! Что это за основание для расследования? У нас есть официальное заявление о пропаже этого русского?

– Нет

– Мадам ээээ... Жанна перезвонила тебе утром?

– Нет.

– Почему?

– Может быть...

– У нас есть заявление о пропаже матраса. Вот чем мы будем заниматься. И прежде всего – установлением самого

факта пропажи. И вот чем ты сейчас...

Но тут нас прервали. Шефу позвонили на мобильный. Он что-то буркнул в трубку два три раза. Нажал кнопку завершения разговора, положил телефон на стол и уставился на меня.

Прошла минута.

Шеф моргнул. Я снова начал дышать. Тихонько.

Лейтенант-колонель сказал, что ему только что позвонил начальник жандармерии Капдая. И сообщил, что на вилле «Палома» убийство. В жандармерию был звонок откуда десять минут назад. Офицер судебной полиции уже едет из Ниццы, вместе с экспертами. Получен ордер на осмотр дома. Бригада жандармов отбыла. От нас требуется офицер для координации действий муниципальной полиции со всеми правоохранительными структурами, участвующими в расследовании и оказания необходимой помощи. Последние слова, которые я расслышал, вылетая из кабинета, были:

– Вперед, су-лейтенант.

15.34. Там же.

Еще пара телефонных звонков, пара-другая писем по электронной почте, и можно будет продолжить записи в журнале.

16.01. Там же.

Из кабинета-то я вылетел, а долететь до виллы «Палома»

не получилось. Мой старичок «Пежо» не захотел заводиться. Бурчал что-то мне непонятное, наверное, объяснял, почему мне может двинуться с места, но я не понял. В деревенском доме моих родителей живет кот. Зовут его Бэзил. Вот он, первые семь-восемь лет своей жизни очень сильно старался объяснить людям (то есть отцу, маме и нам с сестрой) что он думает о жизни вообще и о нашем поведении в частности. Встанет так, шагах пяти от того, с кем разговаривает и тщательно, по слогам, с точным произношением всех ста пятидесяти кошачьих модуляций, объясняет, что например, тот корм, который в миске, не подходит к его диете. Или рассказывает, почему он не мог пройти мимо вот этой новой пары туфель. А потом посмотрит тебе в глаза внимательно, махнет хвостом и пойдет на диван в гостиную. Мол, все равно этим существам, с их примитивным речевым аппаратом, объяснить ничего не удастся. А сейчас, на семнадцатом году жизни, он уже ничего никому мне объясняет. Он мудр.

А мой «Пежо», он раза в два моложе Бэзила и все чем-то не доволен, что-то бурчит. А ездит через раз, между прочим. И не знает главного правила службы в полиции: если тебе что-нибудь не нравится, стой и молчи. До начальства, потом само дойдет.

Но вообще-то я взялся за планшет затем, чтобы фиксировать ход расследования. Итак.

Из-за забастовки моего «Пежо», пришлось добираться до виллы пешком. Так я потерял десять минут и добрался

туда в тот момент, когда два жандарма вынимали из бассейна тело молодой женщины. Это была Жанна. Я, наконец, рассмотрел ее при свете дня и без солнечных очков. У нее очень правильные черты лица, прямой нос, рот, чуть больше чем я запомнил, прекрасная (если такое определение годится для трупа) кожа. Но складки у рта и близко посаженные глаза делают лицо каким-то сердитым или даже злым, В разговоре с ней ночью с понедельника на вторник, я всего этого не заметил. Впрочем, неживое лицо не может быть ни веселым, ни, даже, вежливым.

Тело в купальнике, положили на дорожку у края бассейна. Им занялся судебный медик. Рядом на боку лежал небольшой столик: мраморная столешница на чугунной подставке. Рубеж XIX – XX веков, если не подделка. Один угол столешницы испачкан чем-то бурым, похожим на кровь. Еще пятна бурого цвета – на парапете бассейна. А вот вода в бассейне была абсолютно прозрачной, ни следа крови. Рядом со столиком валялись красные туфли на очень высоком каблуке. Сколько я помню, именно эти туфли были на Жанне в ту ночь, что я ее видел. У одной из туфель каблук был повернут и готов был, отвалится. Рядом с упавшим столиком стояла тележка с напитками, а между ними – осколки бокала для мартини. Рядом же, в лужке лежал, видимо, свалившийся, при падении со столика, айфон Жанны.

Расследование вел офицер судебной полиции из комиссариата Ниццы Ле Гун. Мы с ним знакомы, встречались, па-

ру раз в то время, когда я работал в Марселе и друг другу не понравились.

Капитал Жан-Мари Ле Гун (точность су-лейтенант) выглядит лет на пятьдесят, хотя ему не больше сорока. Высокий, даже долговязый и худой, он возвышается над вами, как половина недостроенной триумфальной арки. И ведет себя соответственно. На всех людей, кроме прямого начальства он смотрит с выражением лица, точно описываемого фразой «Я вас услышал».

Мы пожали друг другу руки. Я спросил, что произошло, и кто сообщил о смерти. Он, откуда-то из своего далека, сообщил, что картина напоминает несчастный случай. Жертва вчера вечером нетвердо стояла на ногах, а тут каблук подвернулся. Она, падая, ударилась о столик и, возможно, уже без сознания, свалилась в бассейн.

– А почему в бассейне нет крови?

– Она пролежала в воде более 12 часов, а вода в бассейн постоянно подавалась. Знаете задачку, про две трубы? За какое время вода, окрашенная кровью, сможет покинуть бассейн, если кровь, перестала течь примерно через час, после попадания тела в эту самую воду?

Нет, его медное самомнение, явно выше пирамид. И ветер злобный его не сокрушит.¹⁷

¹⁷ Очень похоже на то, что Шарль Секонда скрыто цитирует «Ehexi monumentum», Горация, известный у нас в стране по переводам Державина, Пушкина, Батюшкова и Брюсова – А. П.

Ле Гун двинулся в сторону виллы. Там в комнате, дверь которой выходит в сад, сидела молодая женщина. Она, как я прикинул, чуть ниже Жанны, чуть стройнее и как бы это определить... подвижнее, что ли. Брюнетка, с приятными чертами лица, большими карими глазами. Нос, на мой вкус длинноват, рот строгих очертаний, а скулы почти такие же широкие, как у Жанны.

Это падчерица Жанны, Ирина Андрейчиков. Она обнаружила тело, когда приехала на виллу сегодня утром. Откуда она приехала, Ле Гун еще не знал. А я знал! Из Прованса, куда она уехала на машине в субботу, подготовить дом к приезду Виктора.

– Эта Ирина рассказала нам, что беспокоилась о своем женихе, который не приехал к ней вчера, как обещал. И отправилась сюда, думая, что его задержал на вилле ее отец.

Ле Гун сообщил мне все это так, как это делает учитель в лицее ученику, не подающему никаких надежд на возможность запомнить сказанное.

– А позвонить нельзя было? – тупо (Нет! Педантично!) спросил я.

– Говорит, стационарного телефона в доме Виктора нет, а зарядку от своего мобильного она здесь забыла. Приехала, увидела тело в бассейне, подключила телефон к зарядке и позвонила в жандармерию.

Ле Гун собирался, видимо, расспросить Ирину, и выяснить все подробнее. Но ему не нравилось мое присутствие.

Он попросил меня подняться на второй этаж, где находится спальня Жанны и где капитан Риволан, из нашей местной жандармерии, проводил осмотр. Я подчинился. Поднялся наверх, нашел Риволана, мы познакомились.

Капитан жандармерии Николая Риволан, производит впечатление военного в третьем, а то и в четвертом поколении. А может быть его пра-пра-прадед вступил в корпус жандармов, при его создании в 1791 году. Он (Риволан, не пра-пра-прадед) невысокого роста, жилистый, держится очень прямо. Сухое лицо, очень умные глаза и очень узкий рот. Из таких, в прошлые века, получались прекрасные кавалеристы. А у него еще и усы!

Риволан не то, что был не рад моему приходу. Просто он не мог понять, что тут делать еще и офицеру муниципальной полиции. Да, спальня Жанны была просто забита позолоченной мебелью, а примыкающая к ней гардеробная – одеждой и обувью. Ее отдельная ванная комната (на самом деле – небольшой бассейн с позолоченными кранами, в количестве, явно превышающем возможности доставлять воду всеми известными человечеству способами) скорее напоминала средних размеров парфюмерный магазин в период распродаж. Но четыре жандарма, во главе бригадиром Киленом, то скрываясь в тени комода, то отражаясь в кранах, уже почти все изучили. В конце концов, это же не обыск. Орудия преступления (которое пока не подразумевается) искать не надо. Все улики находятся у бассейна.

– Вот что, – сказал мне Риволан. – У меня в саду еще четыре жандарма. Но лучше будет, если кто-то осмотрит все свежим взглядом. Мало ли что. Может мы что упустили.

Я пошел в сад. Ничего сколько-нибудь заслуживающего внимания там не было. Сад очень небольшой. И он действительно сильно запущен. На деревьях – сухие ветки. Две клумбы заросли сорняками. Но ни примятой растительности, ни сломанных веток, ни следов борьбы я не заметил. Не было и никаких посторонних предметов, если не считать ракеток для бадминтона, брошенного прямо на дорожке, идущей от бассейна и двух-трех бутылок из-под пива, поблескивающих в траве. Права была мадам Ронсо: если не садовник, то уж уборщик здесь был бы совсем нее лишним. На дорожке, ведущей от дома к морю (а, точнее, к калитке, выводящей к лестнице, которая спускалась на дорожку-променад, тянущуюся вдоль берега... занудно – да?) остались следы, как будто бы волокли что-то тяжелое. Ну не совсем волокли. Скорее несли, потом опускали, потом двигали чуть-чуть по дорожке. И тут сохранились характерные полоски, которые оставляют мелкие камешки, когда их придавливают тяжелым грузом и этот груз тащат, не поднимая. А потом снова несли. Я сфотографировал три таких фрагмента из педантичности. Но связано ли это со смертью в бассейне? Не знаю. Если бы так волокли тело Жаны, то следы от камешков были бы направлены в другую сторону: от моря вглубь сада, а не наоборот как сейчас. Да и на теле Жанны я не за-

метил никаких царапин, а они непременно должны были появиться. Что-то отволокли к променаду и бросили в море? А что?

Я вышел на променад, прошелся метров десять-двенадцать в одну и в другую сторону, глядя вниз на скалы. Но ничего подозрительного не обнаружил. В паре десятков метров от виллы, ближе к «Чесночному замку», из которого в понедельник нам звонили с жалобами на шум, есть на скалах металлическая лестница для купальщиков. Я сфотографировал ее и вернулся на виллу.

Там в саду, ближе к калитке, чем к дому, есть небольшое одноэтажное строение. Оно стоит среди деревьев и почти совсем скрыто от взглядов разросшимися кустами. Я подумал, что это может быть гостевой дом и направился к нему. Но я ошибся. Это какая-то хозяйственная постройка, старая, с почти облезшей со стен желтой краской и незакрывающейся, разбухшей от влаги, дверью. Внутри – нечто вроде склада ненужных вещей, которые их владельцы почему-то не решаются выбросить. Я заглянул туда, сделал два-три шага в полутьме. Под ногами оказался ящик со слесарными инструментами. Я запнулся, протянул руки, пытаюсь ухватиться за ближайшую полку. Мне это удалось, но одновременно, в руку что-то впилося. Позже оказалось, что это рыболовный крючок на леске. Я отдернул руку и на меня свалился с верхней полки спиннинг, за ним – теннисная ракетка, коробка с теннисными мячами, без крышки (и эти проклятые

мячи раскатились по всему полу), ласты, весла для надувной лодки и две коробки со старыми кроссовками. Для полноты картины не хватало только одной или двух летучих мышей. И чтобы они с шумом вылетели откуда-то из тьмы. Или, лучше – больших черных птиц, устрашающе хлопающих крыльями и Хичкока. Чтобы он стоял где-то тут неподалеку, рядом с камерой и говорил: «Снято»!¹⁸

¹⁸ На всякий случай: Альфред Хичкок, это не тот режиссер, который первый сказал «Снято!». А вот ужастик «Птицы» снял он – А. П.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.